

1

ЗАДУМЫВАЯ ЭТО

1951–1953

ПЕРВАЯ ХОЛЛИ

С ранних лет маленькому Трумэну Капоте пришлось много путешествовать. К концу 1920-х годов его мать, Лилли Мэй, взяла за правило оставлять сына у родственников на долгие месяцы — ей нужна была свобода перемещения от одного мужчины к другому. Постепенно Трумэн стал к этому привыкать; во всяком случае, чувство обиды уже не было таким острым. Со временем у него появилась просто гениальная способность к адаптации, он свободно мог приспособиться к любым обстоятельствам.

После развода родителей пятилетнего Трумэна отправили к тетке в Монровилю, штат Алабама. Теперь Лилли Мэй выпал шанс бросить этот унылый провинциальный городишко и умчаться в большой город. Только там ей суждено было стать, она это знала, богатой обожаемой светской дамой, и, вероятно, она

стала бы ею, если бы не Трумэн, сын, которого она никогда не хотела. Когда Лилли Мэй, или Нина, как она представлялась в Нью-Йорке, забеременела, она попыталась избавиться от ребенка.

Возможно, если бы однажды она исчезла и больше не возвращалась, маленький Трумэн страдал бы меньше. Но Нина никогда не уезжала из Монровиля надолго. Она появлялась совершенно внезапно, разодетая в пух и прах, теребила маленького Трумэна за подбородок, щебетала что-то в свое оправдание и опять исчезала. И так повторялось снова и снова; неизменно очередной кавалер стремился от нее избавиться — слишком уж трудно ей было замаскировать свои фермерские манеры. Нине приходилось в который раз спускаться на служебном лифте, и она неслась домой, к сыну, в растрепанных чувствах. Проходил день-другой, Нина критически оглядывала родные алабамские окрестности и вновь исчезала в пентхаусах манхэттенских небоскребов.

Будь Трумэн постарше, он смог бы, наверное, воспринимать эту ситуацию более хладнокровно, но в то время он был слишком юн, ему просто хотелось материнской любви. А ведь мать уверяла сына, что любит его; иногда, когда она брала его с собой в отель и говорила, что отныне они не будут расставаться, ему начинало казаться, что это правда. А теперь представьте себе его чувства, когда посреди ночи мать внезапно запирает его в гостиничном номере, а сама отправляется в соседний заниматься любовью с зажиточным ухажером! Трумэн, конечно же, все слышал. Однажды в такой ситуации он обнаружил флакончик ее духов и с жадностью алкоголика осушил его до дна. Чуда не случилось, мальчик был в комнате по-прежнему один, но эти несколько едких глотков помогли ему ощутить ее присутствие.

Когда Капоте стал успешным литератором, этот флакончик, оставшийся от матери, продолжал быть источником вдохновения для многих его произведений. Мать. Любовь. Дом. Как трудно ему было разобраться с этими высокими понятиями, но он постарался. Вот только пузырьки из-под духов, равно как и бутылки из-под виски, никоим образом не могли заполнить пустоту. Большинство людей, мужчин и женщин, с которыми Трумэн был связан какими-либо отношениями, также не могли ему помочь. Он оставался в холодном вакууме.

В результате Капоте томился от чувства тоски и желания отомстить, срывая злобу на своих близких и замыкаясь в себе. Горькие воспоминания о матери выливались в словесную форму, перо тянулось к бумаге, и в конечном счете духи из того самого флакончика приобрели неповторимый аромат, имя которому — Холли Голайтли. Так Трумэн открыл для себя понятие «стойкий парфюм», или «постоянство чувств».

Как только читающая публика уловила этот новый аромат — «Холли», все сразу же полюбили Трумэна; именно этого ему и хотелось с тех пор, как мать умчалась от него в первый раз. А еще ему нужен был дом, ощущение чего-то родного, какие-то привычные запахи, вещи или вот это пресс-папье с белой розой. Оно лежало на писательском столе Капоте, когда он сочинял «Завтрак у Тиффани».

ПРЕСС-ПАПЬЕ С БЕЛОЙ РОЗОЙ

Париж, 1948 год. Первый сенсационный роман Трумэна «Другие голоса, другие комнаты» принят с восторгом. Жан Кокто привел писателя на квартиру к Колетт в Пале-Рояль. Ей уже под восемьдесят, но автор «Жизи», «Клодин» и бесчисленных прочих романов по-прежнему уважаемая гранд-дама французской литературы.

Откинувшись всем телом назад, измученная артритом Колетт наверняка улыбалась, глядя на фотографию Трумэна на суперобложке «Других голосов». Томный взгляд, чувствственный рот — похожий даме были знакомы подобные типажи. В свое время она сама завоевывала Париж скандальными историями из собственной жизни на страницах своих книг. И вот теперь этот плут с лицом ангела. Голодного ангела. Как мило. Она ясно ощущала — их связывает какая-то нить, Трумэн тоже это почувствовал еще до того, как переступил порог ее спальни. «*Bonjour, Madame*» — «*Bonjour*». Он едва говорил по-французски, она — по-английски, но это не могло помешать их взаимной привязанности. Сердечной привязанности.

После чайной церемонии в комнате стало как-то теплее; Колетт вложила в руку двадцатирхлетнего молодого человека хрустальное пресс-папье с маленькой белой розой посередине.

— Что вам это напоминает? — спросила писательница. — Какие возникают ассоциации?

Трумэн присмотрелся.

— Маленькую девочку в платьице для причастия, — промолвил молодой человек.

Колетт понравилась эта аллюзия.

— Очаровательно, — сказала она. — Очень образно. Теперь я вижу, что Жан был прав. Он мне говорил, не дай себя обмануть, дорогая. Этот молодой человек выглядит, словно десятилетний ангел, на самом же деле у него нет возраста и помыслы его грешны.

С этими словами она вручила ему пресс-папье на память.

Капоте будет собирать пресс-папье всю свою жизнь. Пройдут годы, но вот это с белой розой посередине останется его любимым. Трумэн возил его с собой повсюду.

ПРОБУЖДЕНИЕ ОДРИ

Для Одри Хепбёрн все началось чудесным типично весенним утром 1951 года. Она встала с восходом солнца, выпила чашку кофе и позавтракала у окна: два вареных яйца и ломтик цельнозернового хлеба. Отсюда можно было любоваться морем — яхты-смены Монте-Карло совершили утреннюю прогулку по водной глади.

Одри редко удавалось насладиться завтраком в спокойной обстановке — в Англии, где она работала постоянно, съемочный день начинался с восходом солнца, у французов же были другие порядки. Работа продолжалась допоздна, но начиналась только *après dejuner*¹. У нашей героини была возможность исследовать по утрам местные пляжи и казино, а также поговорить по телефону со своим женихом Джеймсом, в очередной раз уехавшим по делам в Канаду.

В самом деле, он был очень милый молодой человек, привлекательный, из хорошей и обеспеченной семьи Хэнсонов. Конечно, он любил ее, она любила его; по мнению прессы, у них было всё. Но «всё» — это ничего, если нет времени этим насладиться. Она жила в соответствии с графиком съемок, он практически беспрерывно участвовал в деловых встречах, проходивших в самых роскошных отелях по всему миру. Их обручение принимало символический характер. Возможно, Одри считала нелепой попытку совместить две ипостаси — актрисы и жены. Если она хочет остынуть, — а ей этого очень хотелось, — кинокарьера придется отложить в сторону. Во всяком случае, так считал ее Джеймс; только при этом условии они действительно могут быть вместе.

¹После второго завтрака (франц.).

И вот как они должны были быть вместе в ее представлении: дом, двое или трое детей, много-много свободного времени (не считая сна). Хорошо, что ее работа в картине «Детка из Монте-Карло» была рассчитана всего на месяц, все к лучшему.

ПРОБУЖДЕНИЕ КОЛЕТТ

Несомненно, во всем Княжестве Монако самым великолепным был «Отель де Пари». Достаточно было взглянуть на его фасад — причудливое сочетание арок и переплетений в стиле Прекрасной эпохи, — чтобы понять, здесь могут останавливаться исключительно сливки общества. У Одри, которой раньше не доводилось бывать на Ривьере, проживание в «Отель де Пари» вызывало восторженные чувства, немного омраченные разлукой с Джеймсом и бессмысленностью фильма, в котором она была занята, — глупейший сценарий, кинопустышка с элементами мюзикла о каком-то пропавшем ребенке. Для Колетт же здесь все было привычно — просто еще одна капля в ее океане роскоши; с 1908 года она приезжала сюда постоянно. В этот раз в качестве гостьи князя Ренье она чувствовала себя королевой, и, когда в своем кресле-каталке она проезжала по величественным коридорам отеля, ее как королеву приветствовали ливрейные лакеи. В пожилой писательнице явственно ощущалась огненная пульсация ее литературных произведений, во всем ее облике, с ног до головы, увенчанной копной зеленовато-рыжих волос.

Врачи отправили ее сюда на отдых, но отдых у Колетт отнимал больше усилий, чем работа. С тех пор как ассистент ее нью-йоркского агента взялся самостоятельно продюсировать пьесу по ее роману «Жижи», Колетт постоянно думала об этом. Это стало ее наваждением, поскольку она непрерывно мысленно подбирала кандидатуру на заглавную роль. Жижи виделась ей на улицах

или у моря, похожий образ мог промелькнуть на какой-нибудь фотографии. Но ее никто не устраивал, а драгоценное время ускользало. Те, кто инвестировал в проект, начинали терпение и уже готовы были доверить эту роль испытанной звезде, когда в последний момент — такого рода счастливые случайности иногда происходят при подборе актеров — Колетт потревожили при входе в ресторан отеля.

Фактически произошло то, что навсегда изменило жизнь Одри.

В тот день Колетт с раздражением обнаружила, что обеденный зал был закрыт, — там шли съемки эпизода «Детки из Монте-Карло». Метрдотель учтиво поинтересовался, не желает ли по этому случаю мадам отобедать в зале для завтраков? *Absoulement non!*¹ И разгневанная Колетт ворвалась на своей каталке в обеденный зал в разгар работы над очередным дублем.

Съемочная группа замерла. Казалось, никто не дышал — кроме Колетт. Она сощурилась от света юпитеров и приподняла очки, чтобы внимательнее рассмотреть молодую женщину, обладавшую странной притягательностью. Это была Одри, и она не подозревала, что в данный момент ее пристально разглядывают. Не подозревала и Колетт о том, кто эта незнакомка, но одна она знала точно: перед ней было живое воплощение героини романа «Жижи». Лицо, фигура, осанка — Колетт видела перед собой свою героиню, сошедшую со страниц книги.

Трудно сказать, сколько времени разглядывала Колетт молодую актрису — минуту, секунды, но, вероятнее всего, отреагировала она мгновенно. Ровно столько требовалось и Одри, как потом подтверждалось миллионы раз, чтобы обрести самообладание, когда кто-то на нее заглядывался. Моментально — именно это слово уместно, когда речь идет о звездах, — она послала

¹Категорически нет (франц.).

Колетт импульс, содержавший в себе абсолютно все, что писательница вложила в образ Жижи, шестнадцатилетней парижанки, прошедшей определенное становление личности с последующим превращением в куртизанку.

«*Voila —* — сказала себе Колетт. — *C'est Gigi!*¹.

Так началась трансформация Одри, с простого слова *вуала*.

Все это походило на волшебство, и в каком-то смысле волшеством и было. К Колетт пришло озарение, и чувство это основывалось не столько на подсознательном восприятии, сколько на реальных фактах. Несмотря на врожденную чувственность, Одри действительно была Жижи во плоти — просто никто до Колетт этого не замечал. Возможно, причиной тому была некая странность, присущая Одри. У нее были слишком длинные ноги, слишком тонкая талия, слишком большие ступни, равно как и глаза и нос с широкими ноздрями. Когда Одри улыбалась, а делала она это часто, ее большой рот открывал не очень-то ровные зубы, что на крупном плане смотрелось так себе. Вряд ли ее можно было назвать привлекательной. Миленькой — возможно, обаятельной — бесспорно, но когда на тебе минимум макияжа и бюст размером с кулачок, едва ли ты будешь желанной. И лицо у бедняжки было какое-то кругловатое.

А Колетт все смотрела на нее и не могла наглядеться. Она была очарована.

ЧТО ОНА УВИДЕЛА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЛИЦО

Может быть, Одри и не походила на богиню, но и Жижи, как и большинство подростков, трудно было назвать богиней. Она просто находилась на несколько опасной границе между дет-

¹Вот она — Жижи (*франц.*).

ством и зрелостью, полная энергии, но без всякого жизненного опыта. И об этом говорили ее глаза, не так ли? Большие, широкие глаза; люди, смотрящие на мир широко открытыми глазами, всегда олицетворяют собой любопытство. Именно так воспринимала окружающий мир Жижи — как и все, кто еще мало о нем знает. Но вот не будет ли проблем с этим носом? У дам из высшего общества носик обычно небольшой, аккуратный, а тут еще эти волосы, зубы, густые брови. Как же такая Жижи, напоминающая потерявшегося щеночка, получит доступ в *haute monde*?¹

В ней было мало женского в сексуальном плане, ничто не указывало, что она может производить впечатление на мужчин. И уж тем более не было никаких намеков на игривые замашки Холли Голайтли.

Или все-таки были? Какой-то таинственный сексуальный подтекст?

Улыбаясь, Колетт вновь водрузила очки на нос и слегка наклонилась вперед, чтобы рассмотреть повнимательнее.

ЧТО ОНА УВИДЕЛА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ТЕЛО

Девушка несла себя со сдержанностью балерины. Это можно было расценить как физический изъян, но походка у Одри была удивительная, в ее движениях было столько уверенности, четкости, самообладания, что казалось невероятно для ее возраста. Колетт была озадачена. У столь юной особы столь великолепная осанка! Простейшим жестом Одри могла продемонстрировать знание хороших манер, ее облику в целом было присуще некое внутреннее, столь притягательное изящество. Ощущение создавалось такое, что она не просто движется, а танцует.

¹Высшее общество (франц.).

ВСЕ, ЧТО ВАЖНО В ЖЕНЩИНЕ

«*Madame?*»

Стайка поклонников обступила Колетт. Она отмахнулась от них — дружелюбие она продемонстрирует позднее, если будет в настроении. Пожилая женщина дотянулась до одного из членов съемочной группы.

— Кто это? — резко спросила она, кивнув в сторону Одри.

— Это мадемуазель Хепбёрн, мадам.

— Передайте ей, что я хочу поговорить с ней. — С этими словами Колетт отпустила его и слегка припудрила носик. — Скажите, чтобы привели ее ко мне.

Убежденность Колетт в правильном выборе возрастала по мере того, как мадемуазель Хепбёрн приближалась к ней. Эта девушка поражала еще больше с близкого расстояния.

— *Bonjour, madame*, — сказала она.

— *Bonjour*.

Колетт взяла ее за руку, и вместе они направились в фойе отеля. Там она сообщила Одри, что намерена связаться со своим продюсером и инсценировщиком в Нью-Йорке и сказать, что они могут прекратить прослушивания, так как она нашла свою Жижи; ничего, что они еще не знают об этой актрисе, надо лететь в Лондон и немедленно встречаться.

Одри все это выслушала, но отвечать не торопилась.

Наконец она заговорила.

— Не смогу! — таков был ее знаменитый ответ. — Дело в том, что мне не приходилось играть главные роли. Я никогда не говорила на сцене. — Затем она добавила: — Я танцевала.

— Да, да, конечно, — отреагировала Колетт. — Вы много над этим работали, а теперь вам предстоит потрудиться как драматической актрисе.